

Авдотья Панаева сама по себе: субъектность, нарратив, сюжеты

Маргарита Вайсман, Павел Успенский, Андрей Федотов

От составителей

DOI: 10.53953/08696365_2023_181_3_200

Margarita Vaysman, Pavel Uspenskij, Andrey Fedotov
From the Editors

В истории русской литературы Авдотье Панаевой (1820—1893) традиционно приписывается несколько ролей. Чаще всего ее вспоминают как музу Николая Некрасова — героиню новаторского «панаевского цикла», посвященного переживаниям мучительных любовных отношений. Панаева воспринимается и как одна из «роковых женщин» русской литературы, сильно повлиявшая на повседневную жизнь писателей. Как блистательная хозяйка редакции, она притягивала и объединяла в круг сотрудников «Современника» разных поколений. Как жена и любовница видных литераторов, она помогала им в работе, писала с Некрасовым заведомо слабую прозу, чтобы спасти беллетристический отдел «Современника» в последние годы Николаевского царствования. Как коварная и загадочная аферистка, она втянула видных мужчин эпохи в мутную историю с «огаревскими деньгами», навсегда поссорив прогрессивного Некрасова с не менее прогрессивными Герценом и Огаревым. Наконец, Панаева — мемуаристка. Ее «Воспоминания» (1889) подробно описывают литературный быт блистательной эпохи, но описывают, как принято считать, «не совсем так, как надо». К панаевским мемуарам давно и прочно приклеился эпитет «недостоверные»: все их читают и все призывают к осторожности в обращении с этим текстом.

Панаева, таким образом, вошла в русскую литературу не *сама по себе*, а как инструмент, функция, придаток, связующее звено и т.д. Набор представлений о писательнице долгое время поддерживался академическими исследованиями и транслировался в научном дискурсе о Некрасове, а ее довольно объемная и разнообразная проза 1840—1860-х годов редко рассматривалась как самостоятельное и ценное явление в перспективе истории культуры, истории субъектности и гендерной истории.

Такому представлению о Панаевой филология обязана Корнею Чуковскому. Он был вторым — после Некрасова — мужчиной, который как никто много сделал для того, чтобы она оказалась в каноне, и вместе с тем именно он крайне огрубил, обеднил и сузил представления о ней как о женщине и о писательнице. В 1927—1928 годах Чуковский (пере)издал в легендарной «Academia» первую повесть Панаевой «Семейство Тальниковых» (1847), в свое время так и не дошедшую до широкой публики, и ее поздние «Воспоминания». Мемуары пользовались спросом, и книга выдержала четыре переиздания до 1933 года. В основе рассуждений Чуковского о Панаевой лежала его статья «Жена поэта» (опубл. 1921), — психологизированный историко-литературный очерк, посвященный Панаевой как жене и музе Некрасова.

Трактовка Чуковского парадоксальна. Красочно и ярко, со смелыми психологическими реконструкциями критик описал Панаеву как яркую и деятельную женщину, однако, по сути, видел в ней лишь второстепенную историческую и литературную фигуру, слишком погруженную в повседневные заботы, чтобы породить что-нибудь действительно ценное, и интересную сейчас лишь постольку, поскольку она общалась с великими мужчинами. По мнению критика, Панаева была в первую очередь женщиной и только потом — по совпадению — писательницей: «Обаятельная, всеми любимая женщина, она вдобавок романистка, писательница!» [Чуковский 2004: 266]. Хотя Панаева регулярно публиковалась в «Современнике» и была достаточно популярной беллетристкой, главное ее достижение в том, что она стала вдохновительницей «панаевского цикла» — именно «здесь ее право на память потомства» [Там же: 303]. Что же касается ее воспоминаний, столь ценимых самим Чуковским, то книга, в сущности, была «продиктована» ей великим партнером: «Все ее суждения внушены ей Некрасовым. Она в своих мемуарах бранит того, кого бранил бы Некрасов, и хвалит того, кого хвалил бы он» [Там же: 300].

Чуковский полностью лишил Панаеву субъектности. Удивительно, что аргументы и доводы критика были подробно и столь художественно изложены спустя несколько лет после революции 1917 года. Хорошо известно, что «женский вопрос» стал одним из ключевых идеологических пунктов новой большевистской власти, поначалу много сделавшей для прав женщин и развития их самосознания. На этом фоне многие пассажи Чуковского отдают реакционным патриархатом. Помимо приведенных цитат, обратим также внимание еще на одну, в которой речь заходит о том, как стоит помнить о Панаевой:

Теперь, кажется, ее забыли совсем, а не мешало бы, проходя по Литейному, мимо того <...> дома, где, как сказано на мраморной доске, жил и скончался Некрасов, вспомнить смуглую, большеротую, черноволосую, полногрудую женщину, которая так часто смотрела заплаканными маслянистыми глазами на эту улицу из этого окна [Там же: 302].

Благой порыв противопоставить официальной памяти в виде «мраморной доски» память живую и индивидуальную сразу же, в том же предложении, сводится к пошлomu, почти карикатурному маскулинному шаблону.

Представления Чуковского оказали большое влияние на то, как советское литературоведение подходило к творчеству Панаевой — часто о ней «помнили» примерно в таком же духе. Тем не менее отдельные удачные работы о ней в Советском Союзе возникали. Здесь особо стоит выделить кандидатскую диссертацию Ульяны Долгих «Жизнь и литературное творчество Авдотьи Яков-

левны Панаевой», защищенную в 1977 году под руководством Бориса Егорова в Ленинградском государственном педагогическом институте имени А.И. Герцена. Долгих проделала важную историко-литературную работу: ввела в оборот новые архивные документы, собрала рецензии на «Воспоминания» Панаевой и другие ее тексты, обнаружила ряд поздних произведений писательницы, не учтенных (до сих пор!) другими литературоведами, а также проанализировала ключевые сочинения Панаевой и, в частности, выделила в них существенный жоржсандистский субстрат. При этом Долгих удалось выдержать исключительно уважительную интонацию в разговоре о Панаевой как человеке и авторе и — насколько это было возможно в советской диссертации — критический тон по отношению к построениям Чуковского [Долгих 1977]. К сожалению, Долгих в свое время не переработала исследование в монографию, а потому ее выводы не привели к филологической ревизии творчества Панаевой. Сегодня, конечно, дискурс диссертации Долгих выглядит скорее памятником эпохи, хотя сама работа не утратила научной ценности.

Интерес к творчеству Панаевой в современной российской науке остается незначительным, и оно привлекает меньше научного внимания, чем «женская проза» XX века¹. На Западе исследования Панаевой также являются второстепенной областью, как и большинство работ о так называемых русских писателях второго ряда. Однако в списке российских женщин-писательниц XIX века, замеченных зарубежным литературоведением, Панаева занимает центральное место, наряду с Надеждой Хвощинской и Евгенией Тур². Барбара Хелдт в работе о гендере в русском классическом романе разобрала «Семейство Тальниковых» [Heldt 1998]³. По мнению исследовательницы, тексты Панаевой относятся к альтернативной русской романной традиции, созданной писательницами и опирающейся на иронию и жалобу (в то время как мужская линия базово эксплуатирует модусы пророчества и проповеди). В аналогичном ракурсе Панаева рассмотрена в исследовании Джейн Костлоу, посвященном тому, как тема эмансипации была представлена в женских текстах. Костлоу проанализировала пренебрежительное отношение критиков-мужчин к попыткам беллетристок написать об эмансипации [Costlow 1994]⁴. А Жанна (Jehanne) Гис посвятила свою работу вопросу о реальной мере участия Панаевой в редакции «Современника» [Gheith 2001]. Гис вместе с Бет Холмгрен также написали статью о мемуарах Панаевой [Holmgren, Gheith 2007]. В монографии Коллин Люси «Любовь на продажу» [Lusey 2021] образы бесприданниц в романах Панаевой рассматриваются в сравнении с пьесами Александра Островского и жанровой живописью Николая Шильдера.

В настоящем блоке статей мы хотели пересмотреть репутацию, субъектность и поэтику Панаевой, освободив ее от приевшихся и малосодержательных шаблонных взглядов. Наша задача заключалась в том, чтобы Панаева рассмат-

1 См., однако, не лишённую отдельных достоинств диссертацию: [Татаркина 2006], а также следующие статьи: [Кафанова 2017; Плашинова 2019; Степина 2019].

2 Пионером англоязычных исследований Панаевой, видимо, была Марина Ледковская, см.: [Ledkovsky 1974].

3 Об этой повести см. также: [Холмгрен 2009]. Новый перевод «Семейства Тальниковых» на английский язык, выполненный Фионой Хилл, готовится к выходу в издательстве «Columbia University Press» в 2024 году.

4 «Семейство Тальниковых» и «Женская доля» рассматриваются в контексте женского освободительного движения в России также в: [Kelly 1994: 62—69].

ривалась *сама по себе* — как наделенный агентностью значимый автор литературы XIX века. В статье **Павла Успенского** и **Андрея Федотова** на материале прозы Панаевой анализируются ее субъектность и ее отношение к идеологическим программам и повседневным практикам редакции «Современника». **Маргарита Вайсман** подробно рассматривает, пожалуй, самый яркий роман писательницы — «Женская доля» — и выделяет в нем ряд повествовательных паттернов, особо сосредотачиваясь на специфической нарративной гендерной амбивалентности. **Анастасия Плашинова** также обращается к нарративной организации и сюжетике прозы Панаевой, рассматривая ее на фоне Жорж Санд и текстов современников.

Библиография / References

- [Долгих 1977] — Долгих У.М. Жизнь и литературное творчество Авдотьи Яковлевны Панаевой (1820—1893): Дис. ... канд. филол. наук. Л., 1977.
- (Dolgikh U.M. Zhizn' i literaturnoe tvorchestvo Avdot'i Iakovlevny Panaevoi (1820—1893). PhD Thesis. Leningrad, 1977.)
- [Кафанова 2017] — Кафанова О. Авдотья Панаева между публичным и личным пространством // Revue de l'Institut des langues et cultures d'Europe, Amérique, Afrique, Asie et Australie. 2017. Vol. 29 (<http://journals.openedition.org/ilcea/4296> (дата обращения: 03.03.2023).)
- (Kafanova O. Avdot'ya Panaeva mezhdum publicnym i lichnym prostranstvom // Revue de l'Institut des langues et cultures d'Europe, Amérique, Afrique, Asie et Australie. 2017. Vol. 29 (<http://journals.openedition.org/ilcea/4296> (accessed: 03.03.2023)).)
- [Плашинова 2019] — Плашинова А. «Необдуманные шаги»: трансформация сюжета «супружеская измена» в прозе А.Я. Панаевой (на материале корпуса повестей 1825—1850 гг.) // Русская филология. Сборник работ молодых филологов. Вып. 29 / Отв. ред. Т. Гузаиров. Тарту: Тартуский университет, 2019. С. 83—92.
- (Plashinova A. "Neobdumannyye shagi": transformatsiya syuzheta "supruzheskaya izmena" v proze A. Ya. Panaevoi (na materiale korpusa povestey 1825—1850 gg.) // Russkaya filologiya. Sbornik rabot molodykh filologov. Vol. 29 / Ed. by T. Guzairov. Tartu, 2019. P. 83—92.)
- [Степина 2019] — Степина М.Ю. Некрасов и А.Я. Панаева: несколько частных со-
 образжений // Некрасовский сборник. Вып. 15—16 / Отв. ред. М. Данилевская. Брянск: Историческое сознание, 2019. С. 51—65.
- (Stepina M.Yu. Nekrasov i A.Ya. Panaeva: neskol'ko chastnykh soobrazheniy // Nekrasovskiy sbornik. Vol. 15—16 / Ed. by M. Danilevskaya. Bryansk, 2019. P. 51—65.)
- [Татаркина 2006] — Татаркина С.В. Творчество А.Я. Панаевой в литературном контексте эпохи: гендерный аспект: Дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2006.
- (Tatarkina S.V. Tvorchestvo A.Ya. Panaevoj v literaturnom kontekste epokhi: gendernyy aspekt: PhD Thesis. Tomsk, 2006.)
- [Холмгрен 2009] — Холмгрен Б. Не-натуральная школа: «Семейство Тальниковых» Панаевой // Травма: пункты / Под ред. С. Ушакина, Е. Трубиной. М.: Новое литературное обозрение, 2009. С. 45—72.
- (Holmgren B. Ne-natural'naya shkola: "Semeystvo Tal'nikovyykh" Panaevoj // Travma: punkty. Ed. by S. Ushakin, E. Trubina. Moscow, 2009. P. 45—72.)
- [Чуковский 2004] — Чуковский К. Некрасов и Авдотья Панаева [1921] // Чуковский К. Собрание сочинений: В 15 т. Т. 8. М.: Терра, 2004. С. 264—303.
- (Chukovskiy K. Nekrasov i Avdot'ya Panaeva [1921] // Chukovskiy K. Sbranie sochineniy: In 15 vols. Vol. 8. Moscow, 2004. P. 264—303.)
- [Costlow 1994] — Costlow J. Love, Work, and the Woman Question in Mid-Nineteenth-Century Women's Writing // Women Writers in Russian Literature / Ed. by Toby W. Clyman, Diana Greene. Westport: Greenwood Press, 1994. P. 66—76.

- [Gheith 2001] — *Gheith J.M.* Redefining the Perceptible: The Journalism(s) of Evgeniia Tur and Avdot'ia Panaeva // *An Improper Profession: Women, Gender, and Journalism in Late Imperial Russia* / Ed. by B. Norton, J.M. Gheith. Durham: Duke University Press, 2001. P. 53—73.
- [Holmgren, Gheith 2007] — *Holmgren B., Gheith J.M.* Art and Prostokvasha: Avdot'ia Panaeva's Work // *The Russian Memoir: History and Literature* / Ed. by B. Holmgren. Evanston: Northwestern University Press, 2007. P. 128—144.
- [Heldt 1998] — *Heldt B.* Gender // *The Cambridge Companion to the Classic Russian Novel*. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. P. 251—270.
- [Kelly 1994] — *Kelly C.* A History of Russian Women's Writing, 1820—1992. New York: Oxford University Press, 1994.
- [Ledkovsky 1974] — *Ledkovsky M.* Avdotya Panaeva: Her Salon and Her Life // *Russian Literature Triquarterly*. 1974. Vol. 9. P. 423—432.
- [Lucey 2021] — *Lucey C.* Love for Sale: Representing Prostitution in Imperial Russia. DeKalb: Northern Illinois University Press, 2021.